

УДК 902.904 (574)
МРНТИ: 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.131.147>

Плита с выбивками из завалов «Вала Байлама» (Западный Казахстан)

© 2023 г. Богданов Е.С., Астафьев А.Е.

Keywords: archaeology, Mangystau, Baylama, Karakabak, Sasanians, tamga-like sign, monogram, knockout, farnah, «farrekh-afzun»

Түйін сөздер: археология, Маңғыстау, Байлам, Қарақабак, Сасанидтер, таңба тәрізді белгілер, монограмма, соғу, фарн, «фаррех-афзун»

Ключевые слова: археология, Мангистау, Байлама, Каракабак, Сасаниды, тамгообразный знак, монограмма, выбивка, фарн, «фаррех-афзун»

Evgeniy Bogdanov¹ and Andrey Astafiev^{2*}

¹Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia. E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

^{2*}Corresponding author, Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Aktau, Kazakhstan. E-mail: aasta@list.ru

Slab with knockouts from the rubble of the Baylama rampart (Western Kazakhstan)

Abstract. The article is devoted to a unique find discovered during the archaeological excavations of one of the sites of the Baylama rampart. This is a fortification (wall-ditch-rampart) that protected pasture lands and the settlement of Karakabak (Mangyshlak peninsula). On the limestone slab, which was part of the wall in ancient times, there were printed tamga-like signs and an image of a horseman was stamped out. According to formal signs, all signs are conditionally divided into five groups: “cross-shaped sign”; “circle-shaped signs with appendages (moustaches)”; “farrekh-afzun type signs”; “alkhan sign”; “printed “signs-letters”. The analysis of the material based on the corpus of data on the neighboring territories allowed us to assume that the main part of tamga is connected not with the Sarmatian world, but with the Iranian population of the Sasanian era. Thus, an ideograph in the form of a circle with appendages (moustaches) can be interpreted as a sign of the insignia of power (“crown-ring” with two ribbons). The proof is provided by multiple images on Sasanian investiture bas-reliefs on seals and gems. Signs in the form of a “trident” or “candlestick” also find numerous parallels in Sasanian materials. This universal and understandable sign for the Iranian-speaking population – the symbol of khwarna (farnah) first appeared in glyptics, on gems and seals. Over time, it was modified, and its variations were used as tamgas in everyday life by wide layers of the nomadic population. Taking into account the peculiarities of the outline of most of the Baylama signs and their connection with Sasanian symbols, the article suggests that the figurative knocking out of a man on a horse is in the same semantic field with tamgas. The “signs” of Ahura-Mazda and “farrekh-afzun” as symbols of farnah, coupled with the rider, could well represent a simplified version of the epic story.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574175 and a grant FWZG-2022-0006.

For citation: Bogdanov, E., Astafiev, A. 2023. Slab with knockouts from the rubble of the “Baylama rampart” (Western Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 2 (20), 131–147 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.131.147](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.131.147)

Евгений Сергеевич Богданов¹,
Андрей Евгеньевич Астафьев^{2*}

¹тарих ғылымдарының кандидаты, аға ғылыми қызметкер, РФА СБ Археология және этнография институты, Новосибирск қ., Ресей

^{2*}корреспондент авторы, ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Ақтау қ., Қазақстан

«Байлам қамалы» үйіндісінен алынған соғылған тақта тас (Батыс Қазақстан)

Аннотация. Мақала «Байлам қамалы» участогінің біріндегі археологиялық қазба кезінде табылған ерекше табылымға арналған. Бұл Қарақабак қонысы мен жайылымды қорғайтын фортификациялық құрылыс (қабырға-арық-қамал) (Маңғышлақ түбегі). Ежелгі уақытта керегенің бөлігі болған әктастан жасалған тақта таста таңба тәріздес белгілер салынып және салт аттының бейнесі соғылған. Ұқсастықтарына қарай барлық белгілер шартты түрде бес топқа бөлінді: «крес түріндегі белгі»; «бұтақты (мұртты) шеңбер түріндегі белгілер»; ««фаррех-афзун» түріндегі белгілер»; ««алхан» белгісі»; «басылған «әріптер-белгілер»». Іргелес аумақтар бойынша деректер корпусына сүйене отырып, материалды талдау таңбаның негізгі бөлігі сармат әлемінен емес, Сасанидтер дәуіріндегі иран тұрғындарымен байланысты екенін көрсетті. Сонымен, бұтақтары (мұрттары) бар шеңбер түріндегі идеографты билік инсигниясының белгісі ретінде түсіндіруге болады (екі лентасы бар «сақина-тәж»). Мөрлер мен геммалардағы сасанидтердің инвеститурлық барельефтеріндегі көптеген бейнелер дәлел бола алады. «Үш ашалы» немесе «шырағдан» түріндегі белгілер сасанид мәліметтерінен көптеген параллелдер табады. Бұл әмбебап және иран тілді тұрғындарға түсінікті белгі-хварна символы (фарн) алдымен глиптикада, геммаларда, мөрлерде пайда болды. Уақыт өте келе ол өзгерді және оның әртүрлі түрлерін көшпелі тұрғындардың үлкен топтары күнделікті өмірде таңба ретінде қолдана бастады. Байламин белгілерінің көп бөлігінің сызбасының ерекшеліктерін және олардың сасанидтік символдармен байланысын ескере отырып, мақалада атқа адамның соғылуы таңбалармен бір семантикалық өрісте орналасқан деген болжам бар. Ахура-Мазды және «фаррех-афзун» «белгілер» хварна символы тәрізді салтаттымен бірге эпикалық сюжеттің қолайландырылған нұсқасы болуы мүмкін.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574175 жобасы және FWZG-2022-0006 ф3Ж гранты аясында даярланды.

Евгений Сергеевич Богданов¹,
Андрей Евгеньевич Астафьев^{2*}

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

^{2*}автор-корреспондент, научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Актау, Казахстан

Плита с выбивками из завалов «Вала Байлама» (Западный Казахстан)

Аннотация. Статья посвящена уникальной находке, обнаруженной при археологических раскопках одного из участков «вала Байлама». Это фортификационное сооружение (стена-ров-вал), защищавшее пастбищные угодья и поселение Каракабак (п-ов Мангышлак). На плите из известняка, которая была в древности частью стены, были нанесены тамгообразные знаки и выбито изображение всадника. По формальным признакам все знаки условно разделены на пять групп: «знак в виде креста»; «знаки в виде круга с отростками (усами)»; «знаки типа «фаррех-афзун»»; «знак «алханов»»; «печатные «знаки-буквы»». Анализ материала с опорой на корпус данных по сопредельным территориям позволил предположить, что основная часть тамг связана не с сарматским миром, а с иранским населением эпохи Сасанидов. Так, идеограф в виде круга с отростками (усами) можно трактовать как знак инсигнии власти («кольцо-венец» с двумя лентами). Доказательством служат множественные изображения на сасанидских инвеститурных барельефах на печатях и геммах. Знаки в виде «трезубца» или «подсвечника» также находят многочисленные параллели в сасанидских материалах. Этот универсальный и понятный ираноязычному населению знак – символ хварны (фарна) сначала появился в глиптике, на геммах, печатях. С течением времени он видоизменялся, и его различные вариации стали использоваться в повседневной жизни широкими слоями кочевого населения уже как тамги. Учитывая особенности начертания большей части байламинских знаков и их связи с сасанидскими символами, в статье высказывается предположение, что фигуративная выбивка человека на лошади находится в одном семантическом поле с тамгами. «Знаки» Ахура-Мазды и «фаррех-афзун» как символов хварны вкупе с всадником могли вполне представлять собой упрощенный вариант эпического сюжета.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574175 и гранта НИР FWZG-2022-0006.

Сілтеме жасау үшін: Богданов Е.С., Астафьев А.Е. «Байрам қамалы» үйіндісінен алынған соғылған тақта тас. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 2 (20). 131–147-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.131.147](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.131.147)

Для цитирования: Богданов Е.С., Астафьев А.Е. Плита с выбивками из завалов «Вала Байлама» (Западный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 2 (20). С. 131–147. DOI: [10.52967/akz2023.2.20.131.147](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.131.147)

1 Введение (Богданов Е.С., Астафьев А.Е.)

Анализируемая в данной статье плита с выбивками была обнаружена в ходе раскопок 2019 г. участка фортификационного сооружения (стена-вал-ров) с местным названием «Вал Байлама» [Астафьев, Богданов 2019: 32–33]. Он располагается в северо-восточной оконечности Тупкараганского плато п-ова Мангышлак¹. Артефакт лежал среди обломков плит практически на дне байламинского рва, что свидетельствует о его достаточно древнем происхождении. Судя по заветренной (с остатками лишайников) узкой части, плита могла быть изначально вмонтирована в верхнюю часть стены. Данный конструктивный прием возведения стен с комбинированием горизонтально уложенными и вертикально установленными плитами зафиксирован нами на нескольких сохранившихся участках Байламы.

2 Материал и методы исследования (Богданов Е.С., Астафьев А.Е.)

2.1 Характеристика материала

Разбитая известняковая плита (размерами: 81×36×15 см) состояла из двух фрагментов (рис. 1). Другие части артефакта не удалось обнаружить. Лицевая поверхность имеет сколы и утраты. Особенно пострадали линии выбивки. Последние выполнены с помощью техники пикетажа (возможно куском кремня), за исключением «креста» и «всадника», которые дополнительно прочерчены по линиям выбивки.

Практически вся плоскость плиты заполнена различными знаками, большую часть из которых мы интерпретируем как тамгообразные знаки. Выбитый всадник на лошади частично перекрывает более раннюю тамгу. У человека опущены руки и не показаны ноги. Обращает на себя внимание изображение головы и торса в виде конусов и «спокойный» характер всей композиции. У лошади акцентировано выделены длинные ноги, хвост (подработаны резными линиями) и два уха. Седло (выступающие луки) обозначено косыми штрихами. Стилистически всё изображение не имеет ярко-выраженных культурно-хронологических признаков и может датироваться в пределах раннего железного века с обширными аналогиями на всей территории Центральной Азии и в частности Южной Сибири.

2.2 Методика исследования

Тамгообразные знаки с байламинской плиты мы разделили на пять условных групп только для удобства работы с материалом (рис. 2). Обращает на себя внимание кривизна линий выбивки. Такое ощущение, что людям при исполнении пикетажа было не совсем удобно соблюдать ровность линий. Это может объясняться либо тем, что плита изначально находилась высоко на стене в вертикальном положении, либо тем, что орудие выбивки имело очень «грубую» форму.

Проблема идентификации байламинских знаков, т. е. определение положения на временной шкале и этнокультурная атрибуция является непростой задачей. Мы осознаем, что её решение во

¹ Об особенностях Байламы см. публикацию в данном номере журнала

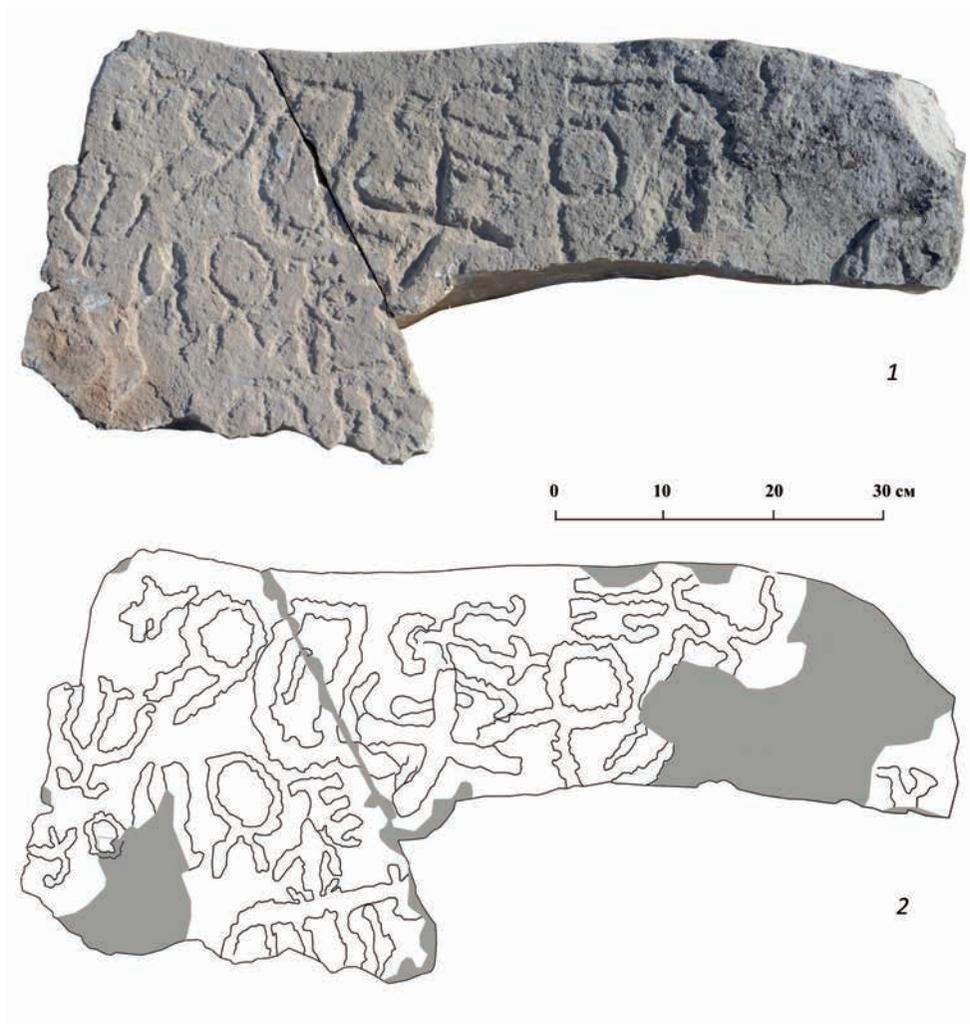

Рис. 1. «Вал Байлама». Плита с тамгообразными знаками. Фото (1) и прорисовка/протирка (2) изображений.
Исполнитель Андрей Астафьев

1-сур. «Байлам қамалы». Таңба тәрізді белгілері бар тақта тас. Сурет (1) пен суретті салу/ысқылау (2).
Орындаған Андрей Астафьев

Fig. 1. «Baylama rampart». A slab with tamga-like signs. Photo (1) and drawing/rubbing (2) of the images.
Performed by Andrey Astafiev

многих случаях будет достаточно гипотетично. Ведь только для поздних периодов существования традиции тамгопользования у кочевников (зафиксированной в письменных и археологических источниках) имеется возможность точно установить принадлежность родоплеменных знаков. Для интерпретации изображений мы будем опираться, в первую очередь, на корпус данных по сопредельным территориям, т. е. использовать сравнительно-исторический и структурно-семиотический методы. Причем, как справедливо отметил в одной из своих работ С.А. Яценко, «сегодня важнее <...> точно описать разнообразные функции каждого знака», чем дать ему

какие-либо этнокультурные оценки [Яценко 2019: 18–19]. Совершенно не случайно в европейской науке уже более ста лет подобные знаки называют по одной из основных сфер применения «метками идентичности» («identity marks»). Именно этим подходом и определяются наши методические основы изучения знаков на байламинской плите. От единого принципа в описании объекта исследования (через выявление частного и общего) к определению изобразительных прототипов (по возможности) и культурно-хронологической атрибуции.

3 Обсуждение результатов исследования (Богданов Е.С., Астафьев А.Е.)

Группа 1. Знак в виде «креста» (рис. 2). Вероятно, самое позднее по времени нанесения изображение. Оно очень грубо прочерчено с явной задачей стать доминирующим на фоне остальных знаков (полностью уничтожив один из них). «Крест» более крупный и в отличие от остальных знаков глубоко прочерчен каким-то металлическим инструментом. Что касается семантики, то в виду универсальности подобные изображения «креста» можно встретить и среди знаков древних алфавитов как Запада, так и Востока, среди руники, в различных «энциклопедиях» гуннских, сарматских и тюркских тамг. В позднем средневековье и в Новое время на территории Мангышлака изображение перекрещенных линий – крест (не имеющий ничего общего с христианством) можно встретить и на надгробиях и среди тамг огузов [Поляков 1973: табл. XXII]. Скорее всего, на байламинской плите крест – это не тамга. Возможно, целью нанесения было «перечеркнуть» (уничтожить, «поставить крест») на более раннем изображении тамги. Именно так хунну перечеркивали (крест-накрест) ножом тонкие поверхности доньшек лаковых китайских чашечек, обозначая свою собственность [Полосьяк, Богданов 2016: 69–70], «обезличивая» работу китайских мастеров.

Ввиду всего вышесказанного мы считаем данный знак не относящимся к основному корпусу изображений на публикуемой плите. И он мог быть не связанным со временем существования каракабакского поселения эпохи переселения народов.

Группа 2. Знаки в виде круга с отростками (усами) (рис. 2). Два знака (2b и 2c) практически идентичны. У знака 2a одинаковой длины отростки отходят от круга под углом параллельно друг другу. Знак 2d помещен в эту группу с большой долей условности в виду общего характера всех довольно небрежных выбивок, при которых форма круга становится ближе к овалу. Знаки этой группы универсальны по своей форме и были распространены чрезвычайно широко в кочевой

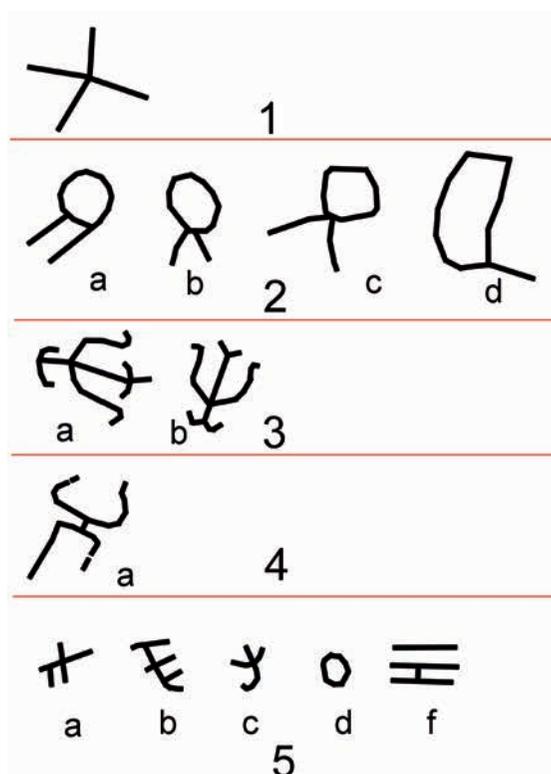

Рис. 2. «Вал Байлама».

Знаки на плите разделенные на условные группы. Исполнитель: Андрей Астафьев

2-сур. «Байлам қамалы». Тақтатастағы шартты топтарға бөлінген белгілер. Орындаған Андрей Астафьев

Fig. 2. «Baylama rampart». Signs on the slab divided into nominal groups. Performed by Andrey Astafiev

среде на всем протяжении степного пояса Евразии. Из ближайших по территории нахождения, можно назвать памятник Байте III на Устюрте, где на стенах «храмовой» постройки отмечено несколько сот тамг сарматского облика, среди которых есть сходные аналоги [Яценко 2019: рис. 6, № 237–239]. Интересно, что, как и в нашем случае, «особенностью байтинской коллекции знаков является то, что одна и та же форма (для 46 типов знаков) часто представлена неоднократно <...>, причем такие тамги подчас размещались рядом парами и речь идет о знаках сравнительно простых форм» [Яценко 2019: 71]. Это совсем не означает, что «в некой акции <...> участвовали сразу по два представителя одного клана» [Яценко 2001: 81–83]. Более вероятным представляется повторное посещение байламинской стены представителями одной и той же или родственной семейной группы спустя определенное время.

В одной из своих работ Е.С. Богданов затронул тему возникновения тамг хунну в виде кружка с «усами» или ответвлениями на базе китайских традиционных символов и иероглифов [Богданов 2017]. «Символ круга мог быть понятен и ханьцам (земледельцам), и кочевникам, и однозначно соотносился с небесным светилом. С этой точки зрения использование круга в основе тамги – знака главного клана, рода вполне оправдано и имело в глазах соплеменников как мифологическую, так и социальную основу. Имеющиеся материалы свидетельствуют, что знак, сочетающий в себе и круг и «усы» («рога»), использовался на соседних территориях одно и тоже время и как элемент традиционного китайского орнамента, и как кочевническая тамга» [Богданов 2017: 10–12, рис. 3, 5, 7; 10, 1–4; 12, 4]. То есть по существу, мы имеем дело с *идеографом*, выражающим основную идею, понятие.

Если говорить об эпохе переселения народов, то появление новых тамг в граничащих друг с другом регионах часто происходило только тогда, когда власть захватывала новая «воинская группировка» (можно назвать её так), имеющая свою мощную идеологическую основу. Например, в исторической литературе существует твердо устоявшееся мнение о «приходе кочевников в Хорезм», «захвате власти» и «как следствие – появление специфических тамг на монетах» [Вайнберг, Новгородова 1976: 70–71]. Не вдаваясь в дискуссию, стоит признать, что распространение знаков с солярной составляющей и строительство храмов, посвященных солнцу в Средней Азии (Мерв, Фергана), явления, тесно связанные между собой. Сходные события произошли и на Боспоре (об этом более подробно см., напр. [Яценко 2001: 45–47]). Причем и «в Средней Азии, и на Боспоре существовала вполне благоприятная почва в связи с уже существующими древнеиранскими представлениями у населения о «фарне», божественном (солнечном) сиянии» (см.: [Литвинский 1968: 63–82]). В графическом виде *фарн* часто выражался в виде бараньих рогов и поэтому, например, выбор тамги для правящих кочевых родов был вполне оправдан. В этом смысле теория Х. Йэнихена в том, что «символические изображения неба и земли, вселенной в виде треугольника, круга и ромба» как составные элементы сложных знаков попали в сарматский мир из Ирана [Jänichen 1956: 40–41]* (*здесь и далее перевод авторов) требует дополнительного осмысления.

Учитывая многолетние споры в отечественной литературе по методическим вопросам изучения древних кочевнических тамг, следует отметить, что судить о полном сходстве «хуннских», «сарматских», среднеазиатских и древнеиранских знаков следует чрезвычайно осторожно. Особенно в вопросах генезиса сложных форм (по времени или по «родственным связям»). Действительно, рассуждая о мифологических универсалиях человеческого мышления в древности, нельзя не поражаться практически одинаковому начертанию простых знаков, находящихся порою

в тысячах километрах друг от друга. Если знак встречается в петроглифических материалах Южного Казахстана и Чу-Илийского междуречья [Рогожинский, Яценко 2019: рис. 3, тип. 21], на керамической посуде в погребальных комплексах с бассейна р. Арысь [Смагулов, Яценко 2019: рис. 1: 8], среди северо-понтийских тамг на периферии античного мира [Драчук 1975: табл. XI, № 826–830] и в надписи на колонне Ашоки (Индия) [Anatolia ...] свидетельствует ли это о культурных контактах с населением Каракабака или передвижении каких-либо этносов? Представляется, что это очень трудно обосновать и доказать, имея только схожесть начертания знаков, универсальных по своей форме. Нам представляется, что в случае с байламинскими выбивками *группы 2* (рис. 2) нужно в первую очередь учитывать регион их нахождения, а именно близость с Ираном. Поскольку на уровне архетипов мы не можем отрицать их сходство со знаком инсигнии власти , который сохранился на сасанидских инвеститурных барельефах и печатях. Наиболее известные примеры – это когда Ахура-Мазда вручает царю царей «венец-кольцо» с двумя свисающими лентами [Луконин 1961: табл. V; 1969: рис. 3, 17]. Именно в таком положении, а не «отростками» вверх изображены и байламинские тамги. Уже в уменьшенном виде мы видим эти изображения на крупах коней знатных вельмож в барельефах Фирузабада и Так-и-Бостана и, что особенно важно, – на сасанидских медных и серебряных монетах [Борисов, Луконин 1963: 43] (рис. 3, 1–3). Встречаются они и на геммах с территорий Ирана (рис. 3: 4, 6–8) и Малой Азии, а еще раньше – среди «строительных» (?) знаков в ахеменидских Пасаргадах [Яценко 2001: рис. 32]. Но самое главное – знак встречается на камнях из стен древнего Дербента. Как считает М.С. Гаджиев, знаки с изображением «круга с двумя отростками» (встречены 22 раза) являются сасанидскими по своему происхождению, оставлены строителями Дербента и вполне могут сопоставляться с «диадемой-обручем с двумя лентами» – «царской инсигнией власти» [Гаджиев 2016: 91, рис. 5: B7, B9, B13]. Есть на дербентской стене и знак идентичный байламинскому 2а (см. [Гаджиев 2016: рис. 5: B12]). Учитывая, что древнеиранская геральдика особая и сложная тема, отметим лишь, что начертание знаков 2а, 2б и 2с на байламинской плите можно расценивать двояко: а) как факт выбивки родовых тамг представителями сасанидских родов; б) как нанесение отметки «воли богов» (Ахуры-Мазды?).

Группа 3. Знаки типа «фаррех-афзун» (рис. 2). Оба знака 3а и 3б сходны друг с другом по основной схеме начертания, но имеют различия в оформлении центральной оси. Обращает на себя внимание взаиморасположение этих изображений на плите. Возможно знак 3а (более грубо выбитый) наносился на уже оставшееся свободное пространство на плите. Специфический облик этих тамг позволяет нам отнести их к сасанидскому пласту сакральных символов. Подобные знаки (перс. «nischan») империи Сасанидов (224–651 гг.) большинством ученых интерпретировались как монограммы (Э. Херцфельд), астральные символы (Ф. Аккерман), отличительные знаки, эмблемы высших военных чинов или представителей знати (А. Христенсен) [Борисов, Луконин 1963: 38]. С.А. Яценко в одной из своих последних работ [Яценко 2021] поддержал точку зрения Г.А. Пугаченковой [Пугаченкова 1957: 148] о том, что в данном случае мы имеем дело не с монограммами, а с родовыми тамгами. Как считает С.А. Яценко, ему удалось не только понять и показать механизм преобразования (последовательность изменения) знаков правящей аристократии, но и выявить близость части изображений с тамгами сарматской кочевой знати I–II вв. к северу от Кавказского хребта [Яценко 2021: 197–198].

А.Я. Борисов и В.Г. Луконин разделили подобные знаки (и «punch-marks») на три группы: 1. знаки, изображающиеся на кулаках приближенных царя царей (барельефы); 2. знаки на кулаках вельмож и жрецов (барельефы и печати); 3. знаки, изображенные самостоятельно (печати,

Рис. 3. Примеры изображения знака «круг с усам» на сасанидских монетах и печатях:
1 – монета Ардашира I из собрания Эрмитажа (по: [Борисов, Луконин 1963: рис. 13]);
2 – монета Нарсе из частной коллекции (по: [Яценко 2021: рис. 2: 3]);
3 – монета Шапура II из частной коллекции (по: [Яценко 2021: рис. 2: 4]);
4 – оттиск печати из собрания Эрмитажа (по: [Борисов, Луконин 1963: кат. 70]);
5 – оттиск печати из собрания Эрмитажа (по: [Борисов, Луконин 1963: кат. 14]);
6 – оттиск печати из собрания музея Метрополитен (по: [Brunner 1978: cat. 178]);
7 – оттиск печати из собрания Эрмитажа (по: [Борисов, Луконин 1963: кат. 115]);
8 – монета Шапура III из частной коллекции (по: [Яценко 2021: рис. 2: 5])

3-сур. Сасанидтік мөр мен тиындардағы «мұртты шеңбер» белгісі бейнесінің мысалы:
1 – Эрмитаж жинағынан Аршадири I тиыны ([Борисов, Луконин 1963: 13-сур.] бойынша);
2 – жеке коллекциядан Нарсе тиыны ([Яценко 2021: 2-сур., 3] бойынша); 3 – жеке коллекциядан Шапура II тиыны ([Яценко 2021: 2-сур., 4] бойынша); 4 – Эрмитаж жинағынан мөрдің көшірмесі ([Борисов, Луконин 1963: кат. 70] бойынша); 5 – Эрмитаж жинағынан мөрдің көшірмесі ([Борисов, Луконин 1963: кат. 14] бойынша); 6 – Метрополитен музейі жинағынан мөрдің көшірмесі ([Brunner 1978: cat. 178] бойынша); 7 – Эрмитаж жинағынан мөрдің көшірмесі ([Борисов, Луконин 1963: кат. 115] бойынша); 8 – жеке коллекциядан Шапура III тиыны ([Яценко 2021: 2-сур., 5] бойынша)

штукатурка, керамика, буллы, монеты, серебряные сосуды) [Борисов, Луконин 1963: 38–43]. Именно среди знаков третьей группы («разновидности А и Б») мы находим аналоги байламинским выбивкам [Борисов, Луконин 1963: кат. 190–193, 199, 200]. По мнению этих известных иранистов, «совершенно исключено рассматривать знаки-нишан третьей группы как родовые тамги, поскольку они встречаются длительное время, оставаясь неизменными, и имеют общий прототип» [Борисов, Луконин 1963: 41]. Так как чаще всего такие «изображения сочетаются на печатях с различными религиозными (магическими) формулировками-надписями и с названиями отдельных храмов, есть все основания полагать, что это “нешаны” различных храмов сасанидского Ирана» [Борисов, Луконин 1963: 41]. В настоящее время количество найденных печатей, гемм, булл и др. предметов с резными изображениями, аналогичными байламинским, выросло в десятки раз по сравнению с серединой XX столетия. Несмотря на то, что все они действительно имеют один смысловой прототип – вариаций великое множество (рис. 4). Это позволяет при интерпретации материала прийти к совершенно другим выводам. Очень часто хозяева печатей, судя по надписям, не принадлежали к жреческому сословию. Вариативность этих изображений и отход от изначальных «сакральных» монограмм позволяет их считать конкретными знаками личной собственности представителей разных сословий. Что касается их прототипов (рис. 4, 1), то в изначальном варианте мы имеем дело с символом «сияния хварны» (др. перс. *«farnah»*, пехлеви *«xvarrah»*) – «славы», «счастья». Оштукатуренный элемент стены из Ктесифона (столицы Парфянского царства, а потом и государства Сасанидов) включает в себя пару крыльев в сочетании с монограммой, которую «Жан де Менасс прочитал как “афзун” [Soudavar 2009: 20] (рис. 4, 1a). То есть мы имеем дело с эмблемой, состоящей из половины изображения (половины словосочетания), в котором слово «афзун» дополнено парой крыльев, чтобы спроецировать «благоприятную славу», «увеличенную славу» – «фаррех-афзун». Эмблема, в свою очередь, помещена в центре с ободком в виде полушарий, что также означает сияние хварны, усиливающую проекцию удачи. Таким образом, в соответствии с иранским пристрастием к симметрии, мы видим монограмму «афзун», преобразованную в сбалансированную композицию, в которой каждая буква удвоена зеркальным отражением и помещена поверх пара крыльев» [Soudavar 2009: 22; рис. 20, 22]. В качестве объяснения появления крыльев в нижней части монограммы, можно привести отрывок из Бахрама Яшта (14: 34–35), где «Ахура-Мазда просит Зороастра найти перо “сокола с распростертыми перьями”, также квалифицируемого как “птица из птиц”, чьи перья обладают большой хварной и приносят уважение и поддержку их обладателю» [Soudavar 2009: 23]. Если принять универсальность концепции «Божественной Славы», то мы находим вещественные подтверждения того, что «фарном» наделялись не только цари. Обычные смертные тоже могли приобрести его. Именно поэтому и появляются изображения распростертых крыльев (и рогов) в нецарских контекстах (например, см. оттиск печати с сочетанием и рогов и крыльев [Bruner 1978: 95,

Fig. 3. Examples of the image of the sign “circle with moustache” on Sasanian coins and seals:

- 1 – Ardashir I coin from the Hermitage collection, after – Borisov, Lukonin 1963: Fig. 13;
- 2 – Narse coin from a private collection, after – Yatsenko 2021: Fig. 2, 3; 3 – Shapur II coin from a private collection, after – Yatsenko 2021: Fig. 2, 4; 4 – seal impression from the Hermitage collection, after – Borisov, Lukonin 1963: cat. 70; 5 – seal impression from the Hermitage collection, after – Borisov, Lukonin 1963: cat. 14;
- 6 – seal impression from the collection of the Metropolitan Museum of Art, after – Bruner 1978: cat. 178;
- 7 – seal impression from the Hermitage collection, after – Borisov, Lukonin 1963: cat. 115;
- 8 – Shapur II coin from a private collection, after – Yatsenko 2021: Fig. 2, 5

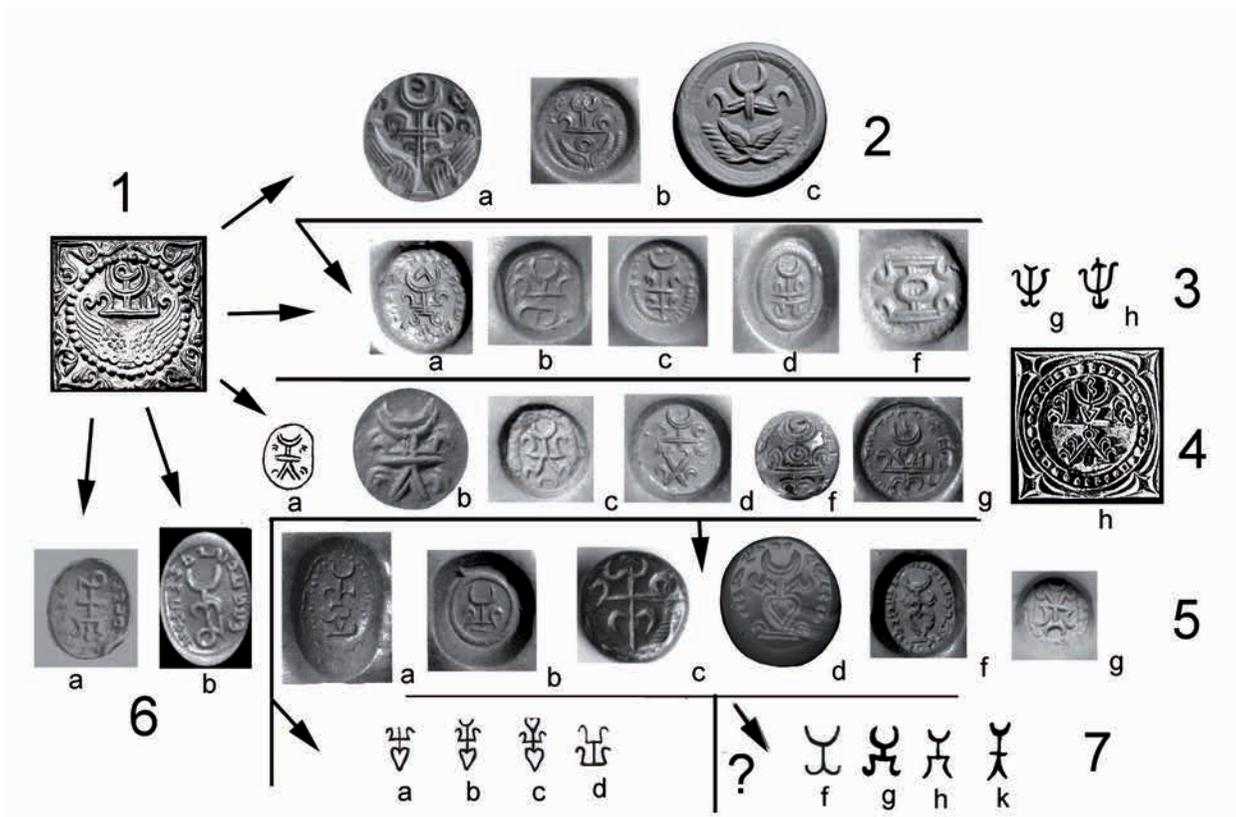

Рис. 4. Знаки типа «фаррех-афзун» и «знак огня на алтаре»: 1а – оштукатуренный элемент стены во дворце в Ктесифоне (совр. Ирак) с монограммой «афзун» поверх крыльев (по: [Soudavar 2003: fig. 20]); 1b – «знак огня на алтаре» с монеты Ардашира I из собрания Эрмитажа (фото авторов); 2а – лазуритовая гемма, Каракабак, Мангистау (раскопки авторов); 2b – оттиск печати из собрания музея Метрополитен (по: [Brunner 1978: cat. 165]); 2с – керамическая плитка (по: [Яценко 2021: рис. 10, 10]); 2d – монограмма «знак огня на алтаре» с сасанидской печати (по: (Soudavar 2023: 32, рис. 33, b); 3a–3f – оттиски печатей из собрания музея Метрополитен (по: [Brunner 1978: cat. 202, 222, 83, 106, 210]); 3g, 3h – тамги на байламинской плите, Мангистау (раскопки авторов); 4а – лазуритовая гемма, случайная находка около Безымянного городища (совр. Таджикистан) (по: [Соловьев 1997: рис. 68, 3]); 4b – оттиск геммы, Каракабак, Мангистау (раскопки авторов); 4с–4g – оттиски печатей из собрания музея Метрополитен (по: [Brunner 1978: cat. 87, 80, 37, 164]); 4h – оштукатуренный элемент на карнизе из зала собраний в Бамиане (совр. Афганистан) (по: [Фрай 1963: рис. 113]); 5а, 5b, 5f – оттиски печатей из собрания музея Метрополитен (по: [Brunner 1978: cat. 116, 130, 71]); 5с – печать из частной коллекции, случайная находка (по: [Sassanian...]); 5d – печать из частной коллекции, случайная находка (по: [Gholami Kiarash 2018: cat. 19]); 5g – оттиск печати, найденной при раскопках крепости Каср-и Абу Наср (совр. юг Ирана) (по: [Stamp seal...]); 6а – оттиск печати из собрания Эрмитажа (по: [Борисов, Лукопин 1963: кат. 190]); 6b – оттиск печати из частной коллекции, случайная находка (по: [Gholami Kiarash 2018: cat. 18]); 7а–7d – знаки-тамги сасанидского времени на различных «случайных находках» из европейских музейных коллекций (по: [Яценко 2021: рис. 11, 8–10, 16]); 7f – тамга на монете (по: [Göbl 1967: Taf. 11, 56]); 7g, 7h, 7k – тамги алхонов (?) на монетах (тип S1 по Гёблю) (по: [Ильясов 2006: рис. 1, 12, 13, 20])

4-сур. «Фаррех-афзун» түріндегі белгі және «құрбандықтағы от белгісі»: 1a – қанаттарының жоғарғы жағындағы «афзун» монограммасымен Ктесифондағы сарайдағы қабырғаның сыланған бөлшегі (қазіргі Ирак) ([Soudavar 2003: fig. 20] бойынша); 1b – Эрмитаж жинағынан Аршадир I тиынындағы «құрбандықтағы от белгісі» (авторлардың суреті); 2a – лазуритті гемма, Қарақабақ, Маңғыстау (авторлардың қазбасы); 2b – Метрополитен музейі жинағынан мәрдің көшірмесі ([Brunner 1978: cat. 165] бойынша);

2c – керамикалық тақта тас ([Яценко 2021: 10-сур., 10] бойынша);

2d – сасанидтік мәрмен «құрбандықтағы от белгісі» монограммасы ([Soudavar 2023: 32, 33-сур., b] бойынша); 3a–3f – Метрополитен музейі жинағынан мәрлердің көшірмелері ([Brunner 1978: cat. 202, 222, 83, 106, 210] бойынша); 3g, 3h – байламин тақта тасындағы таңбалар, Маңғыстау (авторлардың қазбалары);

4a – лазуритті гемма, Аты жоқ қала маңынан кездейсоқ табылған (қазіргі Тажікстан) ([Соловьев 1997: 68: 3-сур.] бойынша); 4b – гемма көшірмесі, Қарақабақ, Маңғыстау (авторлардың қазбасы);

4c–4g – Метрополитен музейі жинағынан мәрлердің көшірмелері ([Brunner 1978: cat. 87, 80, 37, 164] бойынша); 4h – Бамиандағы жиналыс залындағы карниздегі сыланған бөлшек (қазіргі Ауғанстан) ([Фрай 1963: 113-сур.] бойынша); 5a, 5b, 5f – Метрополитен музейі жинағынан мәрлердің көшірмелері ([Brunner 1978: cat. 116, 130, 71] бойынша); 5c – жеке коллекциядан мөр, кездейсоқ табылған ([Sassanian...] бойынша);

5d – жеке коллекциядан мөр, кездейсоқ табылған ([Gholami Kiarash 2018: cat. 19] бойынша);

5g – Каср-и Абу Наср қамалын қазу кезінде табылған мәрдің көшірмесі (қазіргі Иранның оңтүстігі) ([Stamp seal...] бойынша); 6a – Эрмитаж жинағынан мәрдің көшірмесі ([Борисов, Луконин 1963: кат. 190] бойынша); 6b – жеке коллекциядан мөр көшірмесі, кездейсоқ табылған ([Gholami Kiarash 2018: cat. 18] бойынша); 7a–7d – европалық музей коллекцияларынан «кездейсоқ табылған» әртүрлі сасанид уақытының таңба-белгілері ([Яценко 2021: 11-сур., 8–10, 16]);

7f – тиындағы таңба ([Göbl 1967: Taf. 11: 56] бойынша); 7g, 7h, 7k – тиындардағы алхон (?) таңбалары (S1 түрі Гёбл бойынша) ([Ильясов 2006: 1-сур., 12, 13, 20] бойынша)

Fig. 4. Signs of the type “*farrekh-afzun*” and “the sign of fire on the altar”: 1a – plastered wall element in the palace in Ctesiphon (Iraq) with the monogram “*afzun*” on top of the wings, after – Soudavar 2003: fig. 20; 1b – “the sign of fire on the altar” from the coin of Ardashir I from the Hermitage collection (photo by the authors); 2a – lapis lazuli gem, Karakabak, Mangistau (excavations by the authors); 2b – seal impression from the collection of the Metropolitan Museum of Art, after – Brunner 1978: cat. 165; 2c – ceramic tile, after – Yatsenko 2021: Fig. 10, 10; 2d - monogram “sign of fire on the altar” from the Sasanian seal, after - Soudavar 2023:32, fig. 33, b; 3a–3f – prints of seals from the collection of the Metropolitan Museum of Art, after – Brunner 1978: cat. 202, 222, 83, 106, 210; 3g, 3h – tamgas on the “Baylama wall”, Mangystau (excavations of the authors); 4a – lapis lazuli gem, incidental find near an Unnamed settlement (Tajikistan), after – Solovyov 1997: Fig. 68, 3; 4b – an impression of gem, Karakabak, Mangystau (excavations of the authors); 4c–4g – prints of seals from the collection of the Metropolitan Museum, after – Brunner 1978: cat. 87, 80, 37, 164; 4h – plastered element on the cornice from the assembly hall in Bamiyan (Afghanistan), after – Fry 1963: Fig. 113; 5a, 5b, 5f – prints of seals from the collection of the Metropolitan Museum of Art, after – Brunner 1978: cat. 116, 130, 71; 5c – a seal from a private collection, an incidental find, after – Sassanian...; 5d – a seal from a private collection, an incidental find, after – Gholami Kiarash 2018: cat. 19; 5g – an impression of a seal found during the excavations of the fortress of Qasr-i Abu Nasr (modern. south of Iran), after – Stamp seal...; 6a – print of a seal from the Hermitage collection, after – Borisov, Lukonin 1963: cat. 190; 6b – print of a seal from a private collection, an incidental find, after – Gholami Kiarash 2018: cat. 18; 7a–7d – tamga signs of the Sasanian period on various “incidental finds” from European museum collections (after: [Yatsenko 2021: fig. 11, 8–10, 16]); 7f – tamga on a coin (after: [Göbl 1967: Taf. 11, 56]); 7g, 7h, 7k – tamgas of the Alkhons (?) on coins (Göbl type S1) (after: [Ilyasov 2006: fig. 1, 12, 13, 20])

cat. 38]). В дальнейшем исходные изображения в виду особой популярности стали видоизменяться (вместо монограммы в верхней части появляется полумесяц)². В итоге, вариации этого знака стали использоваться уже в качестве личных знаков широкими слоями населения, как самого Ирана, так и прилегающих территорий (рис. 4). Данные положения подтверждаются переводами надписей на геммах (рядом с символом «*фаррех-афзун*»), содержащими имена людей и/или простые «религиозные призывы». Например, «*истина и совершенство*», «*Сохраняй, верно*» [Gholami 2018: cat. 14, 18] «*Бурзатур Шапур, прибегающий к защите огня*», «*Радость, увеличивающая огонь*», «*Бишбай (?) Упование на богов*» [Борисов, Луконин 1963: 50–51, кат. 191, 195, 200]. При этом формулировка «*упование на богов*», как отмечали А.Я. Борисов и В.Г. Луконин, является одной из самых распространенных на сасанидских печатях [Борисов, Луконин 1963: 51].

Таким образом, универсальный и понятный широким слоям населения характер легенды «*фаррех-афзун*» как символа фарна объясняет возникновение различных форм этого знака в глиптике, на геммах, печатях, и как показывает наша байламинская находка – на плитах известных сооружений уже за пределами территории Ирана. В результате продвижения персов на новые территории и процессов ассимиляции с местным населением происходило изменение форм знаков – они становятся более схематичными и стилизованными. Появляются вариации достаточно далекие от исходных прототипов (рис. 4). То, что байламинский знак 3b «венчает» «символ луны», а знак 3a, возможно, «птицы», абсолютно не противоречит основной идеи фарна ни в том, ни в другом случае. Учитывая все имеющиеся факты, вряд ли уместно называть символы «*фаррех-афзун*» «царскими знаками знати Сасанидов» [Яценко 2021: 193, рис. 10]. Скорее мы имеем дело с целым пластом сакральных по своей основе знаков, используемых как жрецами в ритуальных целях, так и торговцами, ремесленниками, кочевыми родами, но уже в повседневной жизни. Например, знак Ψ – однозначно является отображением «огня на алтаре» (рис. 4, 1b, 2d). Появление и широкое распространение этого символа в сасанидском обществе иранский ученый А. Судававар связывает с митраизмом [Soudavar 2023: 32, рис. 33, a, b].

Популярность легенды «*фаррех-афзун*» за пределами Сасанидской империи косвенно подтверждаются находками на Каракабаке двух круглых лазуритовых гемм (рис. 4, 2a, 4b), являющихся в древности частями одного украшения (ожерелья?). Мы их обнаружили в мусорном слое при раскопках придомовой территории строения. На большой форме четко вырезано практически полное исполнение знака «*фаррех-афзун*» с полумесяцем и крыльями (рис. 4, 2a). По краям видны плохо читаемые буквы. Меньшая форма сохранилась в золотой оправе с оторванными ушками крепления. Нижняя часть изображения (крылья) на ней вырезана очень схематично (рис. 4, 4b). Подобные артефакты вкупе с находками сасанидских медных монет и серебряных фракций позволяют достаточно уверенно считать, что каракабакское поселение и его крепостная стена посещалась выходцами с иранских земель. Такая же лазуритовая гемма только овальной (классической) формы была найдена около Безымянного городища в Кобадiane (Бешкентская долина, совр. Таджикистан) [Соловьев 1997: рис. 68: 3] (рис. 4, 4a). В среднеазиатских материалах есть еще одна аналогия с символом «*фаррех-афзун*» – медная печать из Куркатского склепа IV–V вв. [Древности... 1985: 151, № 413]. Дж.Я. Ильясов вслед за Р. Гёблем считает этот символ эфталитским,

² По мнению А. Судававар, «полумесяц – это символ и луны и в то же время символ коровьей головы. Тут приходит на ум авестийский эпитет «блестящий, как гао». Хотя «гао» обычно означало «корова», в данном контексте оно относится к молочному цвету самого молока. Таким образом, Луна воспринималась сияющей, как молоко, и похожей на корову [Soudavar 2009: 20]

связывая его напрямую с тамгой – «полумесяц, опирающийся на подставку» (S 59 по Гёбблю) хорошо известной по монетам эмиссий 287А, 288 и 289» [Ильясов 2006: табл. I, 20]. Не опровергая саму идею заимствования эфталитами древнеиранского символа «*фаррех-афзун*» и его стилизацию, мы не можем согласиться с выводом Дж.Я. Ильясова о том, что этот знак попал в сасанидский Иран из Средней Азии [Ильясов 2006: 117]. Все имеющиеся факты говорят об обратном процессе, который мы представили на рис. 4. В данном случае разделение массива данных по «группам» сделано не в контексте времени и территориального пространства, а по иконографическим особенностям, когда изменению подвержены только отдельные элементы. По существу мы видим путь от монограммы к тамгообразному знаку и выход этого символического изображения-знака за пределы империи Сасанидов. Большая часть артефактов, представленных на рис. 4, происходит из числа случайных находок. Артефакты из закрытых датированных комплексов (напр., печати из Тахт-е-Сулейман [Goebel 1976: 145–146, Tabl. 46, 645, 649] и геммы из Каракабака), – очерчивают хронологические рамки существования знака «*фаррех-афзун*» в пределах V–VI вв. н.э.

Группа 4. Знак «алханов» (рис. 2). Группа представлена всего одним знаком, выбитым на самом краю плиты. Выбивка сильно пострадала от расслоения и лишайников. Возможно, знак изначально был иным и более полным. Именно поэтому мы его не объединили с группой 2, хотя он тоже двухчленный по своему начертанию. Его точная аналогия есть среди северо-понтийских знаков [Драчук 1976: табл. V, № 288]. Но поскольку в сарматском «пласте» он представлен в единичном варианте, то знак на байламинской плите из группы 4 с большей степенью вероятности можно все-таки сопоставлять с тамгами алханов («иранских гуннов»). Например, его можно увидеть на монете с городища Канка слоя IV–V вв. н.э. [Ильясов 2006: табл. 1, рис. 17]. Но чаще этот знак встречается на хионитских печатях, позднеасанидских буллах и на предметах торевтики более позднего времени [Ильясов 2006: 103; таб. 1, рис. 11–13; Яценко, Ильясов 2019: 321]. Хотя конечно знак 4а мог относиться и к более «традиционному» сасанидскому пласту. Например, как считает С.А. Яценко, очень похожий символ есть на монетах Шапура II [Яценко 2001: рис. 34: 10]. Количественные показатели по встречаемости этих знаков в материалах с прикаспийских регионов свидетельствуют все-таки в пользу кочевнического происхождения этой тамги на байламинской плите.

Группа 5. Печатные знаки-«буквы» (рис. 2). Данные изображения объединены в одну группу вследствие своих размеров (они существенно меньше основного корпуса знаков на плите). Ближайшие аналогии большей части из них можно увидеть среди знаков-меток на стенах байтинского комплекса [Яценко 2019: рис. 6]. Знаки 5b и 5d встречаются в «энциклопедиях» тамг на стенах святилища Тахт-и Сангин, в Тохаристане и камне в Бескепе (у с. Кызылаут, Жамбылская обл.), на керамической посуде из разных пунктов Чача эпохи «кочевой империи» Кангюй [Яценко, Ильясов 2019: рис. 3, 2; Смагулов, Яценко 2019: рис. 5; Яценко, Смагулов 2019: рис. 2]. Знак 5f мы находим среди петроглифов Южного Казахстана и Прииссыккуля [Рогожинский, Яценко 2019: табл. 3 тип 5]. Хотя мы не являемся специалистами в области лингвистики, нам кажется, что по своему начертанию знаки из группы 5 больше похожи на «буквы», чем на тамги (см, напр., буквы арамейского алфавита [Баратов 2019: рис. 5]). В качестве примера можно привести знак 5b, который чрезвычайно похож своим начертанием на число 4 (см. надпись Шапура II [Борисов, Луконин 1963: рис. 10]). Так же сходство прослеживается с метками на кирпичях с городища Канка [Яценко, Смагулов 2019: рис. 3]

и с «литературовидными знаками» («буквенными тамгами – инициалами строителей») на плитах из стен дербентской крепости [Гаджиев 2016: 93, рис. 8]. Процесс появления и развития тамг основе буквенных символов в кочевых сообществах практически не исследован в русскоязычном и англоязычном тамговедении и не имеет пока чётких обоснованных доказательств.

4 Заключение (Богданов Е.С., Астафьев А.Е.)

1. Набор тамгообразных знаков на плите из стены фортификационного сооружения «Вал Байлама» является пока единственной находкой в регионе, так или иначе связанной с древнеиранским (кочевым?) населением эпохи Сасанидов. Это связано, в первую очередь, с отсутствием специальной задачи для специалистов по поиску тамгообразных знаков на территории Восточного Прикаспия. Хотя материалы из крупного городского поселения (Каракабак) эпохи переселения народов на трассе восточно-каспийского ответвления Великого шелкового пути [Астафьев, Богданов 2019], безусловно, указывают на присутствие большого количества торговцев, проводников, дипломатов, паломников из Ирана, Хорезма, Бактрии, Кангюя (и кочевых родов Азиатской Сарматии), государств с западного побережья Каспийского моря. Все эти люди передвигались через территорию Мангистау, скорее всего, в составе торговых караванов. При этом строительство мощного байламинского защитного сооружения со рвом и башнями подразумевало постоянный контакт городского поселения с опасно непредсказуемым кочевым окружением. Вопросы их этнической составляющей и направления основных маршрутов сезонных миграций пока остаются без ответа. Кочевнические следы в мангистауских степях фиксируются только в «энциклопедиях» тамг (в большей степени сарматского облика) на плато Устюрт (Байте III) и небольшим скоплением знаков на одном из камней в каньоне Каракабак, обнаруженное А.Е. Астафьевым [Яценко 2019: рис. 7: 5].

Таким образом, приходится признать, что накопленный на сегодняшний день материал позволяет лишь фрагментарно охарактеризовать комплекс доисламских родовых тамг номадов Мангистау. Но информацию о древней кочевой знати этого региона, об их верованиях и культурных пристрастиях, о погребальных обрядах нам уже удалось получить в ходе исследований нескольких захоронений эпохи гуннских вторжений в том же каньоне Каракабак [Астафьев, Богданов 2020а; 2021].

2. Зафиксированные нами зороастрийские ритуалы в контексте совершения погребальных церемоний на Алтынказгане [Богданов, Астафьев 2020б] и на могильнике Каракабак, монетный материал с поселения, ювелирные украшения (геммы, печати, перстни), а теперь и специфические тамгообразные знаки на байламинской плите позволяют нам с уверенностью говорить о немаловажной роли выходцев из сасанидского Ирана в жизни городского анклава (Каракабака). Учитывая особенности начертания байламинских знаков и их связи с сасанидским пластом сакральных символов, можно предположить, что фигуративная выбивка человека на лошади была в одном семантическом поле с тамгами. «Знаки» Ахура-Мазды и «*фаррех-афзун*» как символы хварны вкупе с всадником могли вполне представлять собой упрощенный вариант эпического сюжета, известного по персидским инвестируемым барельефам.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Древний город на Восточном берегу Каспийского моря // *Stratum plus*. 2019. № 4. С. 17-38.
- 2 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Гуннские древности Северо-Восточного Прикаспия // *Stratum plus*. 2020а. № 3. С. 179-192.

- 3 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Археологические свидетельства проведения в Северо-восточном Прикаспии зороастрийских ритуалов // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара, изд-во СГСПУ, 2020б. Т. II. С. 32-34.
- 4 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Элитное погребение гуннского времени могильника Каракабак (Мангистау, Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. № 4 (54). С. 57-68.
- 5 Богданов Е.С. Происхождение тамг хунну // Нижневолжский археологический вестник. 2017. Т. 16. № 2. С. 5-32.
- 6 Баратов С.Р. Знаки на керамических изделиях в Древнем Хорезме // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 43-57.
- 7 Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л.: Гос. Эрмитаж, 1963. 224 с.
- 8 Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976. С. 66-74; 176-179.
- 9 Гаджиев М.С. Опыт интерпретации знаков строителей Дербента // Степи Восточной Европы в средние века. Сб. памяти С.А. Плетневой. М.: Авторская книга, 2016. С. 81-118.
- 10 Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе: Дониш, 1985. 344 с.
- 11 Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев: Наукова думка, 1975. 224 с.
- 12 Ильясов Дж.Я. Заметки о некоторых среднеазиатских тамгах // Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества. 2006. Новая серия. Вып. II (XXVII). С. 99-119.
- 13 Луконин В.Г. Иран в эпоху первых сасанидов. Очерки по истории культуры. Л.: Гос. Эрмитаж, 1961. 116 с.
- 14 Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М.: Гл. ред. вост. лит., 1969. 244 с.
- 15 Литвинский Б.А. Кангуйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш, 1968. 114 с.
- 16 Смагулов Е.А., Яценко С.А. Серии знаков из оазисов Южного Казахстана // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 159-197.
- 17 Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Каталог ноин-улинской коллекции (по материалам работы российско-монгольской экспедиции 2006–2012 гг.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2016. 176 с.
- 18 Поляков С.П. Этническая история северо-западной Туркмении в средние века. М.: Моск. ун-т, 1973. 196 с.
- 19 Пугаченкова Г.А. Материалы по восточной глиптике // Труды Среднеазиатского гос. ун-та. 1957. Вып. 111. Ист. науки. Кн. 25. С. 139-155.
- 20 Рогожинский А.Е., Яценко С.А. Знаки поздней античности в петроглифах Казахстана // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 141-158.
- 21 Соловьев В.С. Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец: изд-во ЕГПИ, 1997. 210 с.
- 22 Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.
- 23 Яценко С.А. Знаки ранних кочевников плато Устюрт // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 58-88.
- 24 Яценко С.А. Знаки нишан аристократии Сасанидского Ирана // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер.: История и политические науки. 2021. Вып. 5. С. 179-202.
- 25 Яценко С.А., Ильясов Дж.Я. Тамги нишан и социально-политическая история // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 296-332.
- 26 Яценко С.А., Смагулов Е.А. Знаки городищ Чача // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 198-227.
- 27 Anatolia and Urartu 7000–300 BC. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/A_1880-21 (дата обращения: 01.02.2023).
- 28 Göbl A.R. Dokumentezur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. I–IV. Wiesbaden, 1967. 163 s.

- 29 Gholami Kiarash. Some Inscribed Sasanian Seals and Bullae // *Sasanika. Varia* 1. May 23, 2018. P. 9-17.
- 30 Brunner C.J. Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art. New York: Metropolitan Museum of Art, 1978. 150 p.
- 31 Goebel R. Die Tonbullen vom Tacht-E Suleiman: ein Beitrag zur spätsāsānidischen Sphragistik. Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, 1976. 184 p.
- 32 Jänichen H. Bildzeichen der königlichen. Hoheit bei den iranischen Völkern. Bonn: Habelt, 1956. 55 s.+ 30 taf.
- 33 Sasanian Black Stone Stamp Seal. URL: <https://www.antiquities.co.uk/shop/ancient-seals/sasanian-black-stone-stamp-seal/> (дата обращения: 31.01.2023).
- 34 Soudavar A. The Aura of Kings: Legitimacy and Divine Sanction in Iranian Kingship. California: Mazda Publ., 2003. 178 p.
- 35 Soudavar A. Iranian Complexities: A Study in Achaemenid, Avestan, and Sasanian. Tehran, 2023. 223 p.
- 36 Stamp seal. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/323223> (дата обращения: 31.01.2023).

REFERENCES

- 1 Astafiev, A. Ye., Bogdanov, Ye. S. 2019. In: *Stratum plus*, 4, 17-38 (in Russian).
- 2 Astafiev, A. Ye., Bogdanov, Ye. S. 2020a. In: *Stratum plus*, 3, 179-192 (in Russian).
- 3 Astafiev, A. Ye., Bogdanov, Ye. S. 2020b. In: *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russian Archaeological Congress in Samara)*. Vol. 2. Samara: Samara State Social Pedagogical University, 32-34 (in Russian).
- 4 Astafiev, A. Ye., Bogdanov, Ye. S. 2021. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)*, 4 (54), 57-68 (in Russian).
- 5 Bogdanov, Ye. S. 2017. In: *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik (The Lower Volga Archaeological bulletin)*, vol. 16, no. 2, 5-32 (in Russian).
- 6 Baratov, S. R. 2019. In: *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of the pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 43-57 (in Russian).
- 7 Borisov, A. Ya., Lukonin, V. G. 1963. *Sasanidskiye gemmy (The Sasanian Gems)*. Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).
- 8 Vaynberg, B. I., Novgorodova, E. A. 1976. In: *Istoriya i kultura narodov Sredney Azii (History and culture of the peoples of Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 66-74, 176-179 (in Russian).
- 9 Gadzhiyev, M. S. 2016. In: *Stepi Vostochnoy Yevropy v sredniye veka (Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages)*. Moscow: "Avtorskaya kniga" Publ., 81-118 (in Russian).
- 10 1985. *Drevnosti Tadjikistana. Katalog vystavki (Antiquities of Tajikistan. Exhibition catalog)*. Dushanbe: "Donish" Publ. (in Russian).
- 11 Drachuk, V. S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomoriya. Tamgoobraznyye znaki severopontiyskoy periferii antichnogo mira pervykh vekov nashey ery (Sign systems of the Northern Black Sea region. Tamgo-like signs of the Northern Pontic periphery of the ancient world of the first centuries of our era)*. Kiyev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- 12 Iliyusov, Dg. Ya. 2006. In: *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Rossiyskogo Arkheologicheskogo Obshchestva (Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society)*, II (XXVII), 99-119 (in Russian).
- 13 Lukonin, V. G. 1961. *Iran v epokhu pervykh sasanidov. Ocherki po istorii kultury (Iran in the era of the first Sassanids. Essays on the history of culture)*. Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).
- 14 Lukonin, V. G. 1969. *Kultura sasanidskogo Irana. Iran v III–V vv. Ocherki po istorii kultury (The culture of Sasanian Iran. Iran in the 3rd–5th century. Essays on the history of culture)*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury (in Russian).
- 15 Litvinskiy, B. A. 1968. *Kangyusko-sarmatskiy farn. (k istoriko-kulturnym svyaziyam plemen yuzhnoy Rossii i Sredney Azii) (Kangyu-Sarmatian Farn (to the historical and cultural ties of the tribes of southern Russia and Central Asia))*. Dushanbe: "Donish" Publ. (in Russian).
- 16 Smagulov, Ye. A., Yatsenko, S. A. 2019. In: *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of the pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 159-197 (in Russian).

- 17 Polosmak, N. V., Bogdanov, Ye. S. 2016. *Katalog noin-ulinskoy kolleksii (po materialam raboty rossiysko-mongolskoy ekspeditsii 2006–2012) (Catalogue of the Noin-Ula collection (based on the materials of the Russian-Mongolian expedition 2006–2012))*. Novosibirsk: “INFOLIO” Publ. (in Russian).
- 18 Polyakov, S. P. 1973. *Etnicheskaya istoriya severo-zapadnoy Turkmenii v sredniye veka (Ethnic history of Northwestern Turkmenistan in the Middle Ages)*. Moscow: Moscow University (in Russian).
- 19 Pugachenkova, G. A. 1957. In: *Trudy Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of the Central Asian State University)*, 111. *Istoricheskiye nauki (Historical sciences)*, 25, 139-155 (in Russian).
- 20 Rogozhinskiy, A. Ye., Yatsenko, S. A. 2019. In: *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of the pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 141-158 (in Russian).
- 21 Soloviyov, V. S. 1997. *Severnyy Tokharistan v rannem srednevekoviyе (Northern Tokharistan in the Early Middle Ages)*. Yelets: Yelets State Pedagogical Institute (in Russian).
- 22 Yatsenko, S. A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekoviya (Signs-tamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages)*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).
- 23 Yatsenko, S. A. 2019. In: *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of the pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 58-88 (in Russian).
- 24 Yatsenko, S. A. 2021. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki (Bulletin of the Moscow State Regional University)*, 5, 179-202 (in Russian).
- 25 Yatsenko, S. A. Piyasov, Dg. Ya. 2019. In: *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of the pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 296-332 (in Russian).
- 26 Yatsenko, S. A. Smagulov, Ye. A. 2019. In: *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of the pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 198-227 (in Russian).
- 27 *Anatolia and Urartu 7000–300 BC*. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/A_1880-21 (accessed: 01.02.2023).
- 28 Göbl, A. R. 1967. *Dokumentezur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*. Bd. I–IV. Wiesbaden.
- 29 Gholami Kiarash. 2018. In: *Sasanika*. Varia 1. May 23, 9-17.
- 30 Brunner, C. J. 1978. *Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art*. New York: Metropolitan Museum of Art.
- 31 Goebel, R. 1976. *Die Tonbullen vom Tacht-E Suleiman: ein Beitrag zur spätsāsānidischen Sphragistik*. Berlin: Deutsches Archäologisches Institut.
- 32 Jänichen, H. 1956. *Bildzeichen der königlichen. Hoheit bei den iranischen Völkern*. Bonn: “Habelt” Publ.
- 33 *Sassanian Black Stone Stamp Seal*. URL: <https://www.antiquities.co.uk/shop/ancient-seals/sassanian-black-stone-stamp-seal/> (accessed: 31.01.2023).
- 34 Soudavar, A. 2003. *The Aura of Kings: Legitimacy and Divine Sanction in Iranian Kingship*. California: Mazda Publ.
- 35 Soudavar, A. 2023. *Iranian Complexities: A Study in Achaemenid, Avestan, and Sasanian*. Tehran.
- 36 *Stamp seal*. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/323223> (accessed: 31.01.2023).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 13.02.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 10.05.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 12.05.2023.

